

С. П. ПРАВЕДНИКОВ
(Курск)

ЗЕЛЕНЫЙ В РУССКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования колоративной лексики в четырех жанрах русского фольклора: былине, балладе, исторической и лирической песне. На примере лексемы «зеленый» демонстрируется территориальная специфика устно-поэтического слова.

Ключевые слова: лингвофольклористика, территориальная специфика, колоративная лексика.

Колоративная лексика неоднократно выступала в роли предмета научных изысканий, в том числе рассматривалось ее место и в произведениях устного народного творчества. Примечательно, что колоративы интересны не только как слова, обозначающие тот или иной цвет, но и как актуализаторы неявных сем в содержательной структуре цветовых прилагательных [Хорленко 1998, 22].

Одним из наиболее частотных цветовых прилагательных в произведениях фольклора является слово зеленый¹. Это прилагательное целесообразно рассматривать с двух сторон: с одной, учитывающей его частотность, и с другой, характеризующей все связи данного слова. Для выявления ранга лексемы (места, занимаемого в частотном списке) выборочно обратимся к некоторым фольклорным сборникам, опираясь на опубликованные в печати или представленные в рукописи частотные словари. Начнем с былины. Мы остановили наше внимание на трех эпических сборниках, приблизительно одинаковых по своему объему. Это «Онежские былины», записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» [Гильфердинг 1894; 1900] (частотный словарь [Бобунова 2003]), «Архангельские былины», собранные

А. Д. Григорьевым (Мезень) [Григорьев 1910] (частотный словарь [Праведников 2002]), «Беломорские былины» А. В. Маркова [Марков 1901] (частотный словарь [Праведников 1997]).

Былины, включенные в эти собрания, признаны классикой сказительского искусства; записи делались в период, который по общепринятыму мнению считается пиком развития исполнительского мастерства. Далее в нашей работе мы будем привлекать материал и из других источников, цифры же, приведенные в таблице 1 (см. ниже), на наш взгляд, достаточны для подтверждения высокого ранга интересующей нас лексемы. Данные из частотных словарей исторических песен XVII–XIX вв. [Степанова 2003], северных лирических песен из сводов А. И. Соболевского и П. В. Киреевского [Клиmas, Петрова 2003], баллад [Разинькова 2003] помогут выявить специфические черты при межжанровом сопоставлении².

Таблица 1

Тексты	Лексемы	Ранг	Кол-во с/у
Былины			
«Онежские былины»	белый зеленый	14 53	1136 415
«Архангельские былины»	белый красный черный зеленый	9 31 47 53	536 205 164 137
«Беломорские былины»	белый красный черный зеленый	10 11 62 114	448 382 134 88
Исторические песни			
	белый красный черный зеленый	11 42 44 62	682 311 295 227
Лирические песни			
	красный белый зеленый	7 8 14	266 253 189
Баллады			
	красный белый зеленый	5 10 31	353 271 136

¹ Руководствуемся, на наш взгляд, очень верным замечанием Н. В. Дранниковой: «И одно слово может быть предметом исследования фольклористики» [Дранникова 2005, 8].

² Особо следует оговорить, что во всех частотных словарях при определении ранга лексемы не принимались в расчет служебные слова, местоимения и имена собственные.

В «Онежских былинах» *зеленый* находится на втором месте среди цветовых прилагательных, в лирических песнях и балладах — на третьем, в исторических песнях, архангельских и беломорских былинах — на четвертом месте.

Во всех четырех рассматриваемых нами жанрах ведущие позиции твердо занимают четыре прилагательных: *белый*, *зеленый*, *красный*, *черный*. Колебания наблюдаются лишь в том, какую конкретную позицию удерживает тот или иной колоратив. Чтобы оценить конкурентоспособность слова *зеленый* в качестве иллюстрации приведем полностью первый десяток цветовых прилагательных из «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга (табл. 2).

Таблица 2.

Лексемы	Ранг	Кол-во с/у
<i>белый</i>	14	1136
<i>зеленый</i>	53	415
<i>черный</i>	85	281
<i>красный</i>	93	264
<i>синий</i>	146	186
<i>желтый</i>	205	129
<i>цветной</i>	319	84
<i>серый</i>	381	72
<i>сизый</i>	748	34
<i>самоцветный</i>	874	27

В северных лирических песнях *черный* в частотном списке занимает 87-ю позицию, встречаясь в текстах 66 раз. Интересно, что и в записях, полученных из южных регионов России, картина существенно не меняется. Так, в белгородских песнях цветовые прилагательные расположились в частотном списке следующим образом: *зеленый* — 7-е место и 140 словоупотреблений, *белый* — 8-е и 135 соответственно, *красный* — 28-е и 74, *черный* — 95-е и 33 (см.: [Крисанова 2000]).

Небольшое отличие от общей тенденции наблюдается в балладах. Там в колоративный ряд между *зеленым* и *черным* (96-я позиция, 58 словоупотреблений) вклинивается прилагательное *синий* (67 номер по порядку, количество употреблений — 78).

Итак, прилагательное *зеленый* высокочастотно во всех рассматриваемых нами жанрах песенного фольклора.

Кроме того, из анализа эпического материала мы можем сделать некоторые обобщения по поводу повсеместного распространения этого слова и его широкой популярности в различных регионах.

Выявление территориальной специфики фольклорной лексики — одна из важнейших и очень непростых задач современной лингвофольклористики. Пространственная неоднородность народного искусства, будь то факты материальной культуры или устно-поэтическое слово, очевидна. Территориальные отличия оформляются в рамках сложившихся вековых традиций за счет непрерывного привнесения какого-либо нового элемента. Это и отличает мастера от ремесленника, и позволяет говорить, что «создатели <...> изготавливают каждый раз новое произведение, всегда отличающееся от каждого предыдущего» [Канцедикас 1975, 7]. Пространственные расхождения можно рассматривать как порождение некой условности в народном искусстве, служащей истоком вариативности. «Условность и декоративность в народном искусстве должны рассматриваться как смысловые категории. Условность народного искусства является предпосылкой вариативности восприятия его содержания, которое становится индивидуальным и конкретным лишь в ситуации исполнения и использования» [Фадеева 1981, 21]. В фольклоре регионально все: и сюжетный состав, и структурные элементы произведения, и стилистические особенности, и многое другое.

В курсе лекций по теории фольклора В. П. Аникин выделил специальную тему «Общерусское и локальное», где, опираясь на то, что русский фольклор представляет собой целостное явление, воспринимаемое как сложный комплекс реализаций общенациональных традиций, предлагает смотреть на общерусское и территориальное как на противоположности, но противоположности относительные, совместимые. «Локально-региональные и народно-общерусские начала образуют единства, хотя допускаются противоречия, резкие смещения. Взаимная дополняемость демонстрирует сочтаемость конкретного и общего в их

обычной всесторонней связи» [Аникин 2004, 367].

Есть различия явные, которые обнаруживаются при сопоставлении диаметрально противоположных территорий (Север — Юг), причем особенности могут проявляться на разных уровнях. Это может быть наличие/отсутствие того или иного жанра (широкая распространенность былин на Русском Севере и практически полное отсутствие их в большинстве южных районов России; очаговость функционирования эпической поэзии, когда мощные центры пенного творчества северорусских регионов соседствуют с так называемыми «малыми» очагами былинной традиции [Иванова 2001]), сюжета или мотива (имеет место избирательность при формировании исполнительского репертуара; исследователи отмечают, что «на общерусской основе в местном фольклоре создается привычный тип некоторых композиций, происходит отбор сюжетов и мотивов» [Аникин 2004, 373]).

Есть различия не совсем ясные, скрытые, обнаруживающиеся на уровне употребления тех или иных тропов, отдельных языковых средств. Это способствует созданию представления о том, что язык русского фольклора в еще большей степени однороден, чем сюжетно-жанровое пространство народной поэзии.

Локальные и региональные расхождения обязательно проявляются при тщательном анализе фольклорного текста.

В современной лингвофольклористике плодотворно развивается идея о необходимости полного и наглядного представления концепта в форме концептограммы. Концептограмма рассматривается как способ демонстрации системно-структурных свойств того или иного концепта, как выделение актуальных связей этого концепта с другими концептами в пределах оговоренного текстового массива. «Лексема, называя концепт, вербализует его, делает фактом языка, однако содержание концепта можно определить только с учетом его актуальных связей с другими концептами» [Хорленко 2006, 70].

Рассмотрим связи прилагательного **зеленый**. Что же бывает зеленым в фольк-

лоре? В былинах это прежде всего вино. А. Ф. Лосев замечал: «Наш фольклор знает “зелено-вино”, хотя вино никогда не бывает зеленым» [Лосев 1963]. Существуют различные объяснения этому несоответствию. Так, в комментариях к «Слову о полку Игореве» Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин представляют слово **зеленый** как синоним к слову **молодой**: «В русском фольклоре выразительно противопоставление “зеленого вина” (молодого виноградного вина), непременного атрибута пиров, и “синего вина” (крепкой водки или спирта), которое могло быть ритуальным питьем при похоронном обряде или употребляться при бальзамировании умершего» [Слово о полку Игореве 1985, 398]. В. И. Абаев не соглашается с тем, что зеленое вино — вино виноградное, а, опираясь на мнение В. И. Даля, поставившего в один ряд вино хлебное, водку, горячее вино и зелено-вино [Даль 1994, 1, 502] и рассматривавшего прилагательное **зеленый** в одном гнезде с существительным **зелье** [Там же, 1688], задает вопрос: «Почему в выдающемся памятнике древнерусской литературы фигурирует именно синее вино?» и пытается ответить на него: «Надо полагать, потому же, почему в русском фольклоре, в частности, в былинах, (хлебное) вино — “зеленое” (“чара зелена вина”). Синий и зеленый цвета — соседи по спектру и могли заменять друг друга как украшающий эпитет хлебного вина» [Абаев 1985, 41].

Известный историк языка В. В. Колесов, отмечая отсутствие в средневековой речи «слов, связанных только с цветом», поскольку «важнее было обозначить не цвет самой вещи, а ее существенные характеристики: светимость и яркость», утверждал, что слово **зеленый** «в древнерусском языке могло обозначать и желтый, и зеленый, и голубой цвет, вообще всякий светлый, яркий оттенок этих цветов: сочетания типа “чаша зелена вина” — одновременно и зелье, и зелень, и яркий наблеск светлого цвета» [Колесов 2004, 41, 48].

Как бы то ни было, зеленое вино — «одно из излюбленных фольклором устойчивых словосочетаний с предельно широкой семантикой слова **зеленый**» [Петренко 1995, 8].

Употребление словосочетания *зеленое вино* в былинных текстах не отличается разнообразием. Можно увидеть, что в большинстве случаев вино определяется как зеленое и никаким другим не бывает. Относительно редко существительное *вино* употребляется вообще без эпитета. Такая ситуация характерна для мезенских и беломорских текстов. В сборнике А. Ф. Гильфердинга трижды отмечено *вино зеленое забудущее*, причем все три раза — в одной былине про Михаило Потыка:

*Марья лебедь белая, Подоленка
да королевична <...>
Налила ему чару зелена вина,
Зелена вина забудущаго.*
[Гильфердинг 1894, № 40].

Некоторые регионы вообще не знают зеленого вина в былинах. Бывает, что и само слово *вино* встречается 1–2 раза во всем сборнике. Так обстоит дело на Дону [Листопадов 1948] и в Русском Устье [ФРУ 1986]. В былинах Поволжья вину дается более обстоятельная характеристика:

*Илья Муромец!
Кланяюсь я к себе на почестный пир:
У меня дело непасёное,
Зелено вино не курёное,
И пойлицо не варёное!*
[Киреевский 1977, № 11].

Зеленое вино активно и в лирических, и в исторических песнях, и в балладах. Некоторое своеобразие в употреблении этого сочетания можно увидеть при со-поставлении текстов лирических песен, записанных в Курской губернии и в двух северных губерниях — Архангельской и Олонецкой³. На Севере *зеленое вино* встречается почти в четыре раза чаще. Любопытно, что в северной лирике отмечено и *зеленое пиво*:

*Нащиплю я хмело,
Хмелю садового;
Наварю я пива,
Пива зеленаго;
Созову гостя*
[Соболевский 1897, № 171].

³ Для этого из свода русских народных лирических песен А. И. Соболевского были отобраны все тексты, зафиксированные в этих регионах, и представлены в виде конкордансов [Бобунова, Хроленко 2007; 2008; 2009].

Зелеными в фольклоре могут быть названы и некоторые предметы обихода, что, как правило, ничего общего с действительностью не имеет. В этих случаях срабатывает ассоциативная связь, например, между емкостью и ее содержимым. Отсюда появляются сочетания *зеленая чара (чарочка)* (Беломорье, Мезень, Онега — былина), *зеленый кувшин* (курские лирические песни).

*Вытивае калика зелену чяру
Да кладет-то калика свой злачен
персьтен*

[Марков 1901, № 112];

*Ой, спасибо зеленому кувшину:
Разволок добру молодцу кручину!*
[Соболевский 1897, № 524].

Можно согласиться с тем, что в данных ситуациях происходит «актуализация эмоционально-оценочных коннотативных элементов положительной направленности при оттеснении на второй план цветовых значений (а иногда и полной редукции этих значений)», как это бывает в свадебных песнях [Никулина 1989, 13]. Здесь мы видим некоторую степень сохранения положительной оценочности цветовых наименований, что за пределами языка фольклора, как правило, уже не актуально.

Гораздо чаще отрыва от реальности не происходит. С прилагательным *зеленый* охотно сочетаются имена растительных натурафактов, это характерно для всех жанров.

В беломорских былинах поется о зеленой березке, зеленом саде и луге (лужке). Существительное *луг* очень активно употребляется поморскими сказителями, дополнительно выполняя рифмообразующую функцию:

*Собиралисе калики всё во единой круг,
Во единой же круг они на зелёной луг*
[Марков 1901, № 22].

В донских былинах Листопадова зеленым может быть только луг, а существительное *вино*, кстати, очень непопулярно в данном регионе — оно отмечено однажды и без эпитета. Рядом с зеленым при определении существительного *луг* может находиться *заказанный* ('такой, который по договоренности не используется какое-то время' [СРНГ 10, 112]).

*Как на третий день становилися,
Становилися в зеленых лугах,
В зеленых-то лугах во заказанных;
Пораскинули шатры белые*
[Листопадов 1948, № 31].

В онежских былинах фигурируют зеленые дуброва, лист, луг, сад и затресье — слово областное, северное, отмеченное словарем русских народных говоров и проиллюстрированное примерами из олонецких былин (затресье — ‘часть водоема, где растет осока, камыш, тростник’ [СРНГ 11, 106]).

*Летать-то мне по тихим заводям,
А по тым по зеленым по затресьям,
А белой лебедью три году*
[Гильфердинг 1894, № 52].

В архангельских былинах отмечены существительные дубровушка и сад. Эти лексемы низкочастотны. Для мезенских текстов характерно то, что с прилагательным зеленый сочетается совсем небольшое, по сравнению с другими сборниками эпической поэзии, количество существительных, и подавляющее преимущество здесь имеет рассмотренное выше существительное вино. Сравним: всего прилагательное зеленый употреблено 137 раз, из них зеленое вино — 131, дубровушка — 3, сад — 1, чара — 1. Большим разнообразием характеризуются сибирские тексты, где, кроме луга и сада, зелеными выступают поле и трава. Особо следует упомянуть красное зеленое виноградье сибирских былин — традиционный элемент величально-поздравительной песни, вкрапленный в былинный текст:

*Как по морю, морю, морю синему,
Виноградья красно зеленая,
Ходил(ы)-гулял Сокол-корабль*
[СиДВ 1991, № 42].

Элементы территориальной дифференциации в былинных текстах можно обнаружить, анализируя связи прилагательного зеленый с именами артефактов. В беломорских и архангельских эпических песнях такие сочетания попросту не встречаются, равно как не увидим мы их и в донских, и в поволжских былинах. В онежских текстах зафиксированы зеленый сафьян, зеленый колпак,

зеленый знамет (или стамет)⁴. Первое словосочетание довольно-таки частотно и распространено повсеместно, второе отмечено только один раз и может характеризоваться как индивидуальное предпочтение певца М. Тряпицына⁵, а зеленый знамет (стамет) претендует на получение статуса региональной особенности, поскольку встречается по нескольку раз у двух сказителей — И. Поромского и П. Воинова, проживающих в районе Кенозера.

*Надел Дюк шубу соболиную,
Под дорогим под зеленым*

под знаметом
[Гильфердинг 1900, № 230].

Зеленый сафьян получил широкое признание у сибирских исполнителей. У них же мы найдем и зеленый кафтан, и зеленое сукно и даже зеленый лук (оружие)⁶:

*У него голова, как сenna копна,
У него глаза, как пивны ковши,
Промежу глазами — калена стрела.
Промежду ушами — туг зеленый лук*
[СиДВ 1991, № 69].

В эпосе переносное значение лексемы зеленый менее популярно, чем прямое. Тем не менее, в былинах, записанных в Симбирской губернии, почти в 30% случаев отмечено употребление прилагательного зеленый в значении ‘молодой’:

*Ой ты гой еси, родно дитятко,
Молодой Добриня, сын Никитьевич!
То-то молодо, то-то зелено!*
[Киреевский 1977, № 11].

⁴ Знамет — ‘материя, которой покрывались шубы’ [СРНГ, 11, 308].

⁵ Да головушка у старого седёшенько,
Да бородушка у стара на убел бела,
На головушки у старого зелен колпак
[Гильфердинг 1900, № 239].

Отчетливо просматривается положительная коннотация у слова зеленый, чему способствует его окружение. Ср.: «Эмоциональное отношение к называемым реалиям и их цвету выражается оценочными значениями, а также средствами контекста» [Павлюченкова 1984, 12].

⁶ Ср.: «Некоторые исполнители имели весьма смутное представление о древнем оружии, что порой приводило к смысловым неувязкам» [Новиков 2004].

*Ох ты гой еси, молодой вьюнош, Иван
Данилович!*

Молодехонек, зеленехонек:

*Ты на больших б(о)ях не бывывал,
Страстей, ужастей ты не видывал,
Богатырским конем ты не владывал
[Киреевский 1977, № 16].*

В былинах других регионов ничего похожего не наблюдалось. Лишь однажды у поморской сказительницы А. М. Крюковой отмечено подобное употребление:

*— Уж и тем-то разъве я похвастаю:
Я осталсэ все от батюшка родимого,
Я осталсэ от батюшка малехонек,
Я малехонек осталсэ, зеленехонек*
[Марков 1901, № 52].

Форма зеленехонек возможна только в контексте, где подчеркивается молодость героя.

Для выявления территориальных особенностей на уровне дистрибуции удобно представить все связи прилагательного зеленый в виде параллельных списков с привлечением статистических данных. Представим в таком виде данные по лирическим песням двух регионов.

Количество словоупотреблений:

Курск — 98, Север — 100.

Связь с прилагательными:

Курск: калиновый 1, кудрявый 2, сырой, кудрявый 1, темный 1, шелковый 1, широкий, муравый 2.

Север: лавровый 1, муравчатый 1, муравый 1, темненький 2, черный 1.

Связь с существительными:

Курск: веточка 1, вино 4, виноград 1, виноградье 1, груша 1, грушица 2, дуб 1, дубровушка 1, калинушка 1, камка 2, кафтан 6, кувшин 1, лес 2, лесок 3, липка 1, липушка 1, луг 4, лужок 2, лужочек 1, мосточек 1, мурава 6, мурава свет 1, осина 1, раздолье 1, ракита 1, сад 27, садик 2, садок 1, садочек 1, сосенушка 5, сосна 4, трава 1, улица 2, ягода 6.

Север: вино 15, виноград 1, виноградничек 2, грушица 4, дубравушка 1, ившинка 3, кустик 1, лесок 2, листок 1, луг 7, лужок 3, лук 4, пиво 1, роща 1, рощица 1, рябина 1, сад 31, садик 9, садичек 1, садочек 2, смородина 1, сосенка 3, сосна 1, сюртук 1, трава-мурава 1, травка 2.

Баллада, занимая промежуточное положение между эпической и лирической песней, заимствовала характерные черты из обоих жанров. Это проявилось и на связях описываемого нами прилагательного. Прилагательные очень осторожно сочетаются с существительными, если возле них уже есть определение зеленый. Таких случаев отмечено всего 2 из 141 (*муравчатый 1, царевый 1*). Зато с прилагательным зеленый охотно контактирует большая группа существительных: *бор 2, виноградье 1, груша 3, дуб 1, дуброва 2, дубровушка 2, камыш 1, кафтан 2, крапивушка 1, курган 1, лес 2, луг 13, лужочек 2, ракита 2, рощица 1, сад 47, садик 6, сафьян 1, сосна 5, стог 6, трава 3, ярово⁷ 1*. Перечень говорит сам за себя. Существительные *бор, камыш, крапивушка, курган*, не отмеченные в сочетании с прилагательным зеленый ни в эпических текстах, ни в текстах лирических песен, могут рассматриваться как трансляторы жанрового своеобразия.

Особенности синтагматических связей прилагательного зеленый в структуре исторической песни попробуем выявить, прибегая, помимо межжанрового и территориального сопоставления, к хронологическому анализу. Представим сведенные в единую таблицу данные, полученные из сборников исторических песен XVII [ИП—XVII 1966], XVIII [ИП—XVIII 1971] и XIX [ИП—XIX 1973] вв., записанных в трех условно выделенных крупных регионах: на Русском Севере, в южных и центральных губерниях России и в Сибири (см. табл. 3 на стр. 74).

Обращает на себя внимание то, что список слов, сочетающихся с прилагательным зеленый в исторической песне, мало отличается от списков других жанров. Обязательно присутствие зеленого вина (только песни XIX в. южных районов составляют исключение). Вез-

⁷ А Васильева матушка по городу идет,
Во правой руке зелена вина несет,
А во левой — зелено ярово

[Баллады 2001, № 105].

Слово не объяснено составителями. В другом варианте этой баллады употреблено сочетание зелье лютое. Возможно, от яровать — ‘быть ярым; лютовать, свирепеть и свирепствовать; неистовствовать, забываясь’ [Даль 1994, 4, 1578] через ассоциативную связь зелье — варево.

Таблица 3

	Север	Юг	Сибирь
XVII в.	Всего: 41 вино 31 дубрава 1 луг 2 сапожки и сапожечки 4 сафьян 3	Всего: 16 вино 5 дубравушка и дуброва 4 кафтанчик 2 луг 2 сафьян 1 травка-муравка 1 чара 1	Всего: 10 вино 7 виноградье 2 сафьян 1
XVIII в.	Всего: 30 вино 9 груша 4 луг (лужок) 6 мундир 1 сад (садик, садичек) 9 сафьян-сапожки 2	Всего: 20 вино 6 дубровушка и дуброва 2 луг 4 сад (садочек) 4 ягодка-смородинка 4	Всего: 7 вино 2 дубрава 1 луг 2 сад (садик) 2
XIX в.	Всего: 6 вино 3 лужок 3	Всего: 12 лес-дубровушка 1 луг 4 порох 1 путь-дороженька 1 роща 1 сад (садик) 4	Всего: 6 вино 2 луг 3 сад 1

де есть слова, входящие в группу натурафактов: *лес*, *луг*, *сад*. Лишь в сибирских песнях XVII в. они отсутствуют, зато здесь отмечено традиционное величальное *виноградье*. Жанровыми признаками исторической песни можно назвать, пожалуй, два эпитетосочетания: *зеленый порох* и *зеленую путь-дорожку*. Главнокомандующий русскими войсками М. И. Кутузов утешает царя Александра I, обещая расправиться с Наполеоном:

Мы его, собаку, встретим среди поля,
Середи поля, среди Можайского,
Мы поставим ему столы — пушки
медные,
Как скатерть постелим ему —
горнодерушков,
Закусочку ему положим — ядра
чугунные,
Полице ему нальем — зелен порох
[ИП—XIX 1973, № 36].

Несмотря на всю образность данного отрывка, слушатель или читатель вряд ли легко примирится с некоторым несоответствием: порох не бывает зеленого цвета, да и наливать его никуда нельзя, поскольку жидкостью он не является. Здесь мы наблюдаем явную

семантическую перекличку с зельем, которое может стать причиной гибели: зелье = ‘отрава’. Немаловажно и то, что именно порох в средние века называли зельем (у В. И. Даля читаем: зелье — стар. ‘огнестрельный порох’ [Даль 1994, 1, 1687]).

Зеленая путь-дорожка — это дорога до Москвы, по которой наступали войска Наполеона и которая была полностью ими разорена. В тексте песни эпитет *зеленая* воспринимается как контекстуальный синоним к определениям *хорошая*, *цветущая*, *родная* и т. п.

Итак, мы рассмотрели лексему *зеленый* в четырех фольклорных жанрах, обращая внимание на жанровую специфику и особенно на своеобразие, связанное с местом бытования того или иного устно-поэтического произведения. Отличия, выявленные в функционировании одной лексемы, позволяют предполагать наличие региональных отличий более масштабного порядка.

Для высокочастотной лексики, к которой относится лексема *зеленый*, велика роль межсловных связей; именно на их уровне просматривается пространственная дифференциация. Разнообра-

зие синтагматических отношений одной и той же единицы, употребляющейся в текстах разных регионов, свидетельствует о наличии в языке русского фольклора неоднородности территориального характера.

Детальный разбор одной лексемы представляется начальным звеном трудоемкой работы в русле фольклорной диалектологии. Этот этап способствует выявлению фольклорных говоров. Более масштабное сопоставление (например, на уровне всей используемой в текстах колоративной лексики) приведет к обнаружению фольклорных диалектов. При расширении поля анализируемого материала возможно максимальное приближение к уровню фольклорных наречий (в этом случае необходимо произвести сравнение словников собраний фольклора разных регионов), что является задачей последующих исследований.

Литература

Абаев 1985 — Абаев В. И. Рагерга 1. «Синее вино» в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкоznания. 1985. № 6. С. 40—41.

Аникин 2004 — Аникин В. П. Теория фольклора. Курс лекций. М., 2004.

Баллады 2001 — Баллады / сост., подгот. текстов и comment. Б. П. Кирдана. М., 2001.

Бобунова, Хроленко 2007 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни. Ч. 1: Песни Курской губернии. Курск, 2007.

Бобунова, Хроленко 2008 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни. Ч. 2: Песни Архангельской губернии. Курск, 2008.

Бобунова, Хроленко 2009 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни. Ч. 3: Песни Олонецкой губернии. Курск, 2009.

Бобунова 2003 — Бобунова М. А. Онежские былины: Частотный словарь. Курск, 2003.

Гильфердинг 1894 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб., 1894.

Гильфердинг 1900 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 3. СПб., 1900.

Григорьев 1910 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3. СПб., 1910.

Даль 1994 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994.

Дранникова 2005 — Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2005.

Иванова 2001 — Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001.

Канцедикас 1975 — Канцедикас А. С. Народное искусство. М., 1975.

Киреевский 1977 — Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / подгот. текстов к печати, статья и comment. А. Д. Соймонова. Т. 1. Л., 1977.

Климас, Петрова 2003 — Климас И. С., Петрова Т. И. Русская народная северная песня: Частотный словарь. Курск, 2003 (рукопись).

Колесов 2004 — Колесов В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, 2004.

Крисанова 2000 — Крисанова Н. В. Народная необрядовая лирическая песня Белгородской области: словарь и частотный словарь // Лингвофольклористика / под ред. А. Т. Хроленко. Курск, 2000. Вып. 5. С. 21—55.

Листопадов 1948 — Листопадов А. М. Былинно-песенное творчество Дона. Ростов-н-Д., 1948.

Лосев 1963 — Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963. [Электронный ресурс]: <http://www.philosophy.ru/library/losef/iae1/txt31.htm>

Марков 1901 — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Никулина 1989 — Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Новиков 2004 — Новиков Ю. А. Местный колорит в былинах олонецких сказителей // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. [Электронный ресурс]: <http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/vestnik9.htm>

Павлюченкова 1984 — Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Петренко 1995 — Петренко О. А. Лексема *green* на фоне лексемы *зеленый* в английском и русском песенном фольклоре // Фольклорная лексикография / под ред. А. Т. Хроленко. Курск, 1995. Вып. 3. С. 6—10.

Праведников 1997 — Праведников С. П. «Беломорские былины»: словарь и часто-

тный словарь // Фольклорная лексикография / под ред. А. Т. Хроленко. Курск, 1997. Вып. 8. С. 18—56.

Праведников 2002 — Праведников С. П. Архангельские былины, собранные А. Д. Григорьевым: Мезень: Словник и частотный словарь. Курск, 2002.

Разинькова 2003 — Разинькова О. Н. Частотный словарь русских баллад. Курск, 2003 (рукопись).

Слово о полку Игореве 1985 — Слово о полку Игореве. Л., 1985.

Соболевский 1897 — Великорусские народные песни / изданы проф. А. И. Соболевским: в 7 т. Т. 3. СПб., 1897.

СРНГ 1974 — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965—2009. Вып. 1—41.

Степанова 2003 — Степанова И. А. Исторические песни XVII—XIX веков: Словник и частотный словарь. Курск, 2003.

Фадеева 1981 — Фадеева И. Е. Народное искусство и фольклор: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.

Хроленко 1998 — Хроленко А. Т. Из наблюдений над семантикой колоративов // Фольклорная лексикография / под ред. А. Т. Хроленко. Курск, 1998. Вып. 10. С. 21—23.

Хроленко 2006 — Хроленко А. Т. О месте концептуации в лингвокультурологических исследованиях // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2006. С. 69—72.

Сокращения

ИП—XVII 1966 — Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966.

ИП—XVIII 1971 — Исторические песни XVIII века. Л., 1971.

ИП—XIX 1973 — Исторические песни XIX века. Л., 1973.

СиДВ 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск, 1991.

ФРУ 1986 — Фольклор Русского Устья / изд. подгот. С. Н. Азбелев и др. Л., 1986.

Summary. In the article the special features of the functioning of color vocabulary in four genres of the Russian folklore (to bylina, to ballad, to historical and lyric song) are examined. The territorial specific character of oral- poetic word based on example lexemes green is demonstrated.

Key words: lingvofolkloristika, territorial specific character, the color vocabulary.

С. В. СУПРЯГА
(Курск)

ДИАЛЕКТИЗМЫ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПЕСНЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ, АЛТАЯ И ПОЛЕСЬЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается локальная диалектная лексика русских народных песен старообрядцев, ныне проживающих в Забайкалье, Полесье и на Алтае. Автор представляет этимологический и лексикологический анализ лексических и семантических диалектизмов, результаты которого способствуют выявлению возможного влияния на лексику русской песни новых условий бытования. Особое внимание уделяется заимствованным, «темным» и окказиональным словам.

Ключевые слова: русская народная песня, старообрядцы Алтая, Полесья, Забайкалья, фольклорные диалектизмы.

Три группы старообрядцев, ныне проживающих в Забайкалье, на Алтае и в Восточном Полесье, некогда представляли единую, так называемую «ветковскую» традицию².

В ходе проведенного сопоставления лексики лирических песен этих трех регионов выяснилось, что во всех корпусах текстов в целом прослеживается единообразие квантитативных параметров (эти показатели лишь немного отличаются из-за значительной разницы в объемах выборки); налицо также схожий состав ядерной лексики, ее частеречное соответствие, примерно одинаков набор лексем в кластерах, близки лексикографические портреты выбранных для анализа слов. Однако отмечается и определенное своеобразие на уровне локальной (то есть характерной только для одного из корпусов текстов) лексики, что не в

¹ Статья подготовлена при поддержке Российской гуманитарного научного фонда (проект № 06-04-00171а).

² См. об этом: [Кляус, Супряга 2006, 42—48].